

Роль современной юридической науки в жизни российского общества

Геннадий Васильевич Назаренко

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, gv@nazaren.co,
<https://orcid.org/0000-0001-7572-5100>

Аннотация. В статье сделана попытка на примере уголовно-правовой мысли показать роль юридической науки в жизни российского общества. С этой целью рассмотрено состояние, в котором находится уголовно-правовая доктрина. Установлено, что юридическую науку представляют на общественной сцене две неравноценные группы лиц: одни реально занимаются научными исследованиями, другие – имитируют научную деятельность. При этом публикации второй группы подвергаются справедливой критике и рассматриваются как проявление кризиса в науке. Несмотря на указанные негативные факторы, научное сообщество прямо либо косвенно оказывает положительное влияние на жизнь российского общества. В частности, уголовно-правовая наука определяет пути развития уголовного законодательства, выполняющего охранительные и регулятивные функции, и тем самым гармонизирует конфликтные отношения. Научное сообщество юридических вузов и академических институтов не только производит и воспроизводит профессиональные знания, но и приобщает к их освоению в различных формах студентов, аспирантов и докторантов. Значительную роль в развитии и внедрении научных знаний в общественную практику играют научно-квалификационные работы по уголовно-правовым дисциплинам. Автор показывает, что труды криминалистов пользуются интересом даже в среде ранее судимых лиц и рецидивистов. В заключении сделан вывод, что организация юридической науки далека от совершенства и требует существенной реорганизации, чтобы отвечать ожиданиям и требованиям общества.

Ключевые слова: вытеснение творческого меньшинства, имитация научной деятельности, обезнаучивание диссертаций, реорганизация научной деятельности, состояние юридической науки

Для цитирования: Назаренко Г. В. Роль современной юридической науки в жизни российского общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 39–46. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-39-46>. EDN ZYMEYI

Legal Science Discussion Problems

Original article

The role of modern legal science in the life of Russian society

Gennady V. Nazarenko

Southwest State University, Kursk, Russia, gv@nazaren.co, <https://orcid.org/0000-0001-7572-5100>

Abstract. The article makes an attempt to show the role of legal science in the life of Russian society using the example of criminal law science. For this purpose, the state in which criminal law science finds itself is considered. It has been established that legal science is represented by two unequal groups of people: some actually engage in scientific research, others imitate scientific activity. At the same time, publications that

are imitative in nature are subject to fair criticism and are considered as a manifestation of a crisis in science. Despite the existence of negative factors, the scientific community directly or indirectly has a positive impact on the life of Russian society. In particular, criminal law science determines the ways of development of criminal legislation that performs protective and regulatory functions, thereby harmonizing conflict relations. The scientific community of law universities and faculties, being part of Russian society, not only produces and reproduces scientific knowledge, but also involves students, graduate students and doctoral students in its development in various forms. A significant role in the development and implementation of scientific knowledge into public practice is played by scientific and qualifying works in criminal law disciplines, including those not free from certain shortcomings. This study shows that the works of criminologists are also of interest among previously convicted persons and repeat offenders. In conclusion, it is concluded that the organization of legal science is far from perfect and requires significant reorganization in order to meet the expectations of society.

Keywords: state of legal science, imitation of scientific activity, displacement of the creative minority, pseudoscientific dissertations, reorganization of scientific activity

For citation: Nazarenko G. V. The role of modern legal science in the life of Russian society. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):39–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-39-46>. EDN ZYMEYI

Введение. Современная наука занимает в жизни общества значительное место, поскольку её достижения проникают в повседневный быт, оснащают через посредство материального производства техникой и различными механизмами, меняют наш менталитет и характер речи. Большинство граждан положительно относится к достижениям науки, несмотря на негативные прогнозы развития так называемого «искусственного интеллекта» и апокалиптические сценарии тех, кто высказывает опасения бесконтрольного использования науки и её достижений. При этом одни люди необоснованно ждут от науки намного большего, чем она может дать, в том числе решения проблем значительного продления жизни человека и даже его искусственного бессмертия, всеобщего благоденствия и освоения межпланетного пространства. Другие считают, что использование машин и механизмов делает человека физически дряблым, доступность информации в Интернете ослабляет его интеллект, а дальнейшее развитие научно-технического прогресса угрожает самому существованию людей. При этом упускается из виду, что условия функционирования науки создаются политически организованным обществом, а не Академией наук, как и социальный заказ, адресованный ученым государством от имени социума.

Основная часть. В отличие от наук, достижения которых улучшают качество жизни людей, юридическая наука призвана если не гармонизировать общественные отношения, то во всяком случае определить пути развития законодательства, способного уладить конфликты, возникающие в сфере действия различных отраслей права. Для более детального осмысления роли современных уголовно-правовых знаний в жизни российского общества вначале следует ответить на вопрос, в каком состоянии находится современная юридическая наука?

В настоящее время существуют две точки зрения в отношении состояния юридической науки: позитивная и негативная. Сторонники позитивно-созидательного подхода полагают, что современная юридическая наука развивается и отвечает потребностям российского общества [1, с. 98-99; 2, с. 4]. Представители негативно-критического подхода, напротив, считают, что она находится в кризисном состоянии. В частности, В.В. Лазарев отмечает, что юридическая наука превратилась в служанку власть предержащих и описывает симулякры [3, с. 188], В.Д. Зорькин связывает ее кризисное состояние с тем, что «право рушится. Рушится стремительно» [4], В.М. Розин в свою очередь видит кризис в том, что в данной науке используется устаревшая методология и привычные представления о праве [5, с. 8-9]. Кроме того, в современных публикациях отмечаются такие признаки кризисного состояния юридической науки, как отсутствие действенных механизмов воздействия

на практику и, соответственно, отсутствие реальной направленности науки на совершенствование практики применения юридических норм [6, с. 19].

Сказанное с определенными оговорками можно отнести к уголовно-правовой науке, поскольку ее представители находятся в системе отношений, которые накладывают свой негативный отпечаток на творческую деятельность современных криминалистов. Вместе с тем трудно согласиться, что вся юридическая наука находится в кризисном состоянии: представление о том, что одни ученые являются «сторонниками кризиса юридической науки», а другие – выражают мнение, что наука «не стоит на месте» и «отвечает общественно-политическим потребностям общества» [7, с. 143] является односторонним. На самом деле, уголовно-правовую науку представляют две группы людей: одна группа реально занимается научными исследованиями (творческое меньшинство), другая группа имитирует научную деятельность (имитаторы-балласты). Соответственно, результаты деятельности творческого меньшинства оцениваются положительно, а результаты, имеющие имитационный характер и низкую степень научной достоверности, подвергаются критике и рассматриваются как проявление кризисных явлений в науке.

Уголовно-правовая наука, как и любая отрасль юридической науки явлена в социальном пространстве в виде текстов: письменных либо устных, которые в юридической литературе иногда именуется устной и письменной речью. При этом речь справедливо отождествляется с текстом, поскольку речь как таковая имеет такие текстуальные признаки, как тема, связность и цельность. Вполне доказано, что сам «текст есть функционально завершённое речевое целое» [8, с. 16]. Особенно отчетливо и подробно этот феномен рассмотрен в законодательной текстологии уголовного права [9, с. 259–264]. Остается лишь уточнить, что в качестве письменных текстов в уголовно-правовой науке фигурируют монографии, статьи, тезисы и другие жанры научной литературы, а устными текстами являются выступления ученых по уголовно-правовой тематике на заседаниях Российского конгресса уголовного права и менее значимых форумах, конференциях, Круглых столах и других научных мероприятиях.

Значительную роль в развитии юридической науки играют научно-квалификационные работы, поскольку диссертационные исследования различного уровня позволяют судить о состоянии современной правовой науки, в том числе о ее достижениях и недостатках. Ознакомление с кандидатскими и докторскими диссертациями последнего десятилетия позволяет сделать вывод, что среди указанных диссертаций нередко появляются квалификационные работы, имеющие имитационный характер. Эти подделки, имитирующие научно-квалификационные работы, имеют формальное сходство с диссертационными текстами, поскольку, как правило, содержат необходимые структурные элементы, в том числе такие рубрики Введения, как актуальность темы исследования, степень её научной разработанности, объект, предмет, цель и задачи исследования, методологическая основа, теоретическая, нормативная и эмпирические базы исследования, научная новизна, основные, положения, выносимые на защиту, и так далее. Внешнее сходство имитационных опусов с научно-квалификационными работами, имеющими творческий характер, создает ложное впечатление, что эти подделки обладают теоретической и практической значимостью, а также необходимой степенью достоверности и научной новизны. В действительности, такие работы, прежде всего, отличает завышенная самооценка, отсутствие новизны, криминологической обоснованности и низкая степень достоверности.

Внимательное чтение этой наукообразной «халтуры» показывает, что при обосновании актуальности темы исследования имитаторы перечисляют мелкие, второстепенные и посторонние обстоятельства, так как не способны обосновать политико-правовые, социальные, экономические и культурные составляющие актуальности. В имитационных текстах обычно отсутствуют такие базовые компоненты, как определение проблемы, выдвижение гипотезы (гипотетической теории) и подведение итогов, которые являются показателями

научного творчества и ступенями научного исследования. В диссертационных работах, претендующих на получение докторской степени, постановка научной проблемы нередко имеет дежурный характер и не сопровождается выдвижением гипотетической теории и подведением итогов, которые корреспондируются с целью и задачами исследования.

Обращает на себя внимание, что методы исследования в таких работах обозначаются, но никогда не служат способами проверки гипотезы и не имеют никакого отношения к теории объекта и метаобъекта.

Соискатели научных степеней, которые ссылаются на диалектические методы, имеют весьма отдаленное представление о диалектическом материализме, его законах и парных категориях и не ведают о существовании такой непарной категории, как «состояние», которая имеет два критерия: качественный и количественный, а также временной некатегориальный срез.

Другие методы (лингвистические, математические и так далее), будучи указанными в методологии исследования, не применяются, так как доминирующим способом квалификационных работ последних десятилетий выступает компиляция, которую шутники называют методом *rekle* – режь и клей. Не случайно списки использованной литературы в диссертациях не содержат методологических работ. Зато эти списки «украшают» публикации на трех и более иностранных языках, словно соискатели действительно владеют английским, немецким, французским и другими языками. Вопреки этому в самом тексте отсутствуют цитаты якобы использованных зарубежных публикаций.

Типичной ошибкой при описании степени научной разработанности темы исследования является составление перечней фамилий авторов, которые имеют публикации по сходной тематике. Именно так осуществляется подмена сведений о состоянии теории в области исследуемого объекта тривиальным перечнем фамилий. Причем такого рода подмена стала настолько привычной, что на нее не обращают внимания научные руководители, консультанты и оппоненты. Более того, вопрос о метатеории объекта ставит соискателей в необъяснимый тупик. Реальность такова: зачастую в диссертационных работах нет анализа состояния теории объекта и как следствие отсутствует анализ состояния исследуемой проблемы по существу.

Соискатели научных степеней, кандидаты и доктора наук образуют научное сообщество, которое является частью российского общества, и в качестве такового это сообщество производит и воспроизводит научные знания в сфере правовой науки и юридического образования, а также пытается внедрить результаты научных исследований в законодательную и правоприменительную практику, тем самым прямо либо косвенно оказывает опосредованное влияние на жизнь современного российского общества в качестве проводника научных знаний. Однако степень этого влияния сдерживает целый ряд социальных, экономических и организационных факторов, которые ограничивают возможности научного сообщества. Они хорошо известны каждому ученому и не нуждаются в детальном рассмотрении в рамках настоящей статьи. Это прежде всего низкая оплата научного труда, непродуманные (количественные) наукометрические показатели оценки деятельности ученых, всевозможные стандарты, практикуемые юридическими журналами, подражание западным критериям, предъявляемым к научным публикациям, оценка оригинальности научных статей с помощью коммерческих программ, не способных выявить плагиат, и многое другое, что тормозит развитие юридической науки и трансформирует научное сообщество в бюрократизированный придаток госаппарата, теряющий остатки живого общения с широкими слоями общества. Шутники не случайно повторяют пастиш известного изречения вождя пролетариата о декабристах, говоря: «Узок круг криминалистов и страшно далеки они от народа». Звучит этот пастиш довольно цинично, но, тем не менее, соответствует фактам. За неимением свободного времени ученые забыли дорогу в гимназии, колледжи и на производство, выбыли

из числа просветителей и наставников. По сути дела, мы находимся в кругу профессиональных забот, который на латыни называется «*circulus vitiosus*», то есть замкнутый круг.

Рано или поздно в таких обстоятельствах доминантные имитаторы размножатся до максимально возможного предела и займутся вытеснением ученых, которые создают творческие результаты. В последние десятилетия признаками процесса вытеснения из научной среды творческих лиц являются ангажированные защиты не только кандидатских, но и докторских диссертаций. Обращает на себя внимание, что в научной среде образовались группы «штатных» оппонентов, которые в силу сугубо материальной заинтересованности всячески поддерживают научно-квалификационные работы, не обладающие новизной, теоретической и практической значимостью, не отвечающие требованиям, предъявляемым к научно-квалификационным работам. При этом официальные оппоненты нередко не имеют научных публикаций по теме диссертационных исследований, а диссертационные советы не обращают внимания на такое несоответствие. Указанные факты свидетельствуют о том, что процесс обезнаучивания диссертаций ведет к неизбежному росту имитаторов в научной среде и вытеснению ученых, которые ведут творческие исследования и в отличие от псевдоученых не занимают интригами.

Значительную часть населения любой страны составляют граждане, не занятые в сфере юриспруденции. Эти лица обычно оценивают научную деятельность представителей юридической науки по характеру обучения родственников в юридических вузах, а также по результатам деятельности правоприменителей в судах, правоохранительных органах, общественных и частных структурах, занимающихся юридической практикой. Прямо скажем, рядовые граждане весьма недовольны деятельностью правоприменителей, высказывают многочисленные критические замечания в адрес судей, сотрудников полиции и других лиц, занимающихся юридической практикой, поскольку зачастую сталкиваются с формализмом, волокитой и принятием необоснованных решений.

Разумеется, о роли юридической науки в жизни общества правопослушные граждане глубоко не задумываются, их больше интересуют тарифы нотариусов, пошлины по гражданским искам, стоимость услуг адвокатов и прочие расходы. Интерес к научным трудам правоведов в современном обществе отсутствует. Тем не менее, в вузах более или менее успешно идет приобщение к изучению научных трудов студенческой части общества. В аспирантурах и адъюнктурах это приобщение осуществляется недостаточно активно, что и показывает разница между количеством лиц, принятых в аспирантуру и защитивших диссертации.

Несколько иное, можно сказать, особое отношение к уголовно-правовой науке сложилось в криминальной среде, которая образует довольно значительную часть российского общества. Ранее судимые лица внимательно относятся не только к разъяснениям норм действующего Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, которые даются дознавателями, следователями, адвокатами и прокурорами, в процессе непосредственного общения с участниками уголовных процессов, но и самостоятельно изучают комментарии к УК РФ, а также правовоположения, содержащиеся в постановлениях Пленумов Верховного Суда.

Сотрудникам уголовного розыска хорошо известно, что преступные элементы активно интересуются изысканиями уголовно-правовой науки и разбираются в таких тонкостях, которые недоступны законопослушным гражданам. Например, воры-рецидивисты, имевшие многочисленные связи в различных регионах, находясь в СИЗО г. Алатыря в конце 70-х годов XX века, высказывали идеи создания преступных формирований, организованных как государственные структуры. При этом такие лица показали основательное знакомство с криминологическими трудами А.И. Гурова по организованной преступности, в которых в качестве признаков преступных организаций рассматривались: наличие общих финансовых фондов (общаки), официальное прикрытие (крыша), руководящие органы (паханат),

внутренние правила поведения (воровские понятия), наличие агентов влияния в государственных структурах (свои пацаны), иерархия по вертикали (паханы, контролеры, солдаты), профессиональная специализация по горизонтали (подельники, телохранители, разведка, контрразведка), субкультура (воровские обычаи, жаргон, клички, татуировки и т.д.).

Вполне профессионально ранее судимые лица, рассуждают о слабом превентивном воздействии запретов и санкций, содержащихся в ст. 158 УК РФ. Субъекты, неоднократно совершавшие кражи, весьма иронически отзываются об альтернативных санкциях, указанных в ст. 158 УК РФ. Они обращают внимание, что за «простую» кражу (ч.1) и кражи с отягчающими признаками (чч. 2 и 3) закон предусматривает не только лишение свободы, но и такие смехотворные, на их взгляд, наказания как штраф либо принудительные работы. При этом лица, судимые за так называемые «квартирные кражи», отмечают, что за кражу с проникновением в жилище (ч. 3 ст. 158 УК) суды назначают такое же наказание, как за «простую» кражу, в том числе лишение свободы сроком не свыше двух лет, а то и символическое наказание в виде штрафа либо принудительных работ. Воры-профессионалы во время общения с сотрудниками уголовного розыска риторически вопрошают, каким образом государство может взыскать с них штраф в размере до 80 тысяч рублей в случае их осуждения к лишению свободы, если учесть, что настоящий вор не работает ни в тюрьме, ни на воле?

Ранее судимые лица старшего поколения, ставшие конфидентами уголовного розыска, проявляют интерес к уголовно-правовой литературе и вполне обоснованно отмечают доктринальную неосведомленность законодателя в отношении реального воздействия административной преюдиции на состояние того сегмента преступности, на противодействие которому направлены уголовно-правовые нормы с административной преюдицией. Конфиденты отмечают, что подобные нормы в ряде случаев вызывают непредвиденные социальные последствия: с одной стороны, применение таких норм статистически увеличивает количество определенных видов регистрируемых преступлений, которые фактически являются административными проступками, а с другой стороны, сокращает количество работающих лиц мужского пола в конкретной сфере трудовой деятельности.

Невольно обращает на себя внимание обезнаученность ряда законов, внесших существенные поправки в действующий УК РФ, которые приняты представителями общества, избранными в Государственную Думу. В результате политически ангажированного и к тому же обезнаученного подхода к системе уголовно-правовых норм из Уголовного Кодекса изъяты такие эффективные инструменты противодействия преступности, как конфискация имущества в качестве вида наказания, признание преступников-профессионалов особо опасными рецидивистами и санкции в отношении таких лиц, предусматривавшие максимальные сроки лишения свободы и смертную казнь. Изъятие из системы наказаний конфискации имущества привело к тому, что коррупционеры, облеченные властью, чинами и званиями в последние десятилетия совершают хищения миллиардами (Захарченко – 9 млрд, Шестун – 10 млрд, Арашуковы – 29 млрд, Магомедовы – 300 млрд и др.) Ранее действовавший Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. предусматривал смертную казнь с конфискацией всего имущества за хищение свыше 10 тысяч рублей. Невыгодность особо крупных хищений при социализме была настолько очевидна большинству любителей поживиться за чужой счет, что столь крупных, как в настоящее время хищений, расхитители не совершали.

Обращает на себя внимание, что значительная масса населения получает представления об уголовном праве, уголовном процессе и деятельности уголовно-исполнительной системы путем просмотра фильмов о криминальных событиях и отбывании наказания в местах лишения свободы, а вовсе не в результате чтения научной литературы. В этой связи Д.А. Корецкий справедливо отмечает, что кинофильмы зачастую дают существенно искажённые представления о криминальных явлениях, которые они изображают. При этом воздействие кинопродукции оказывается настолько сильным, что ссылки на кинофильмы

о преступниках и преступности в спорных ситуациях используются как вполне достоверные аргументы [10, с. 145].

Довольно характерно, что студенты и преподаватели юридических факультетов, не имеющие практического опыта в правоохранительных органах, подвержены восприятию искаженных кино-представлений о мире криминала в не меньшей степени, чем представители других профессий. Указанные факты свидетельствуют о том, что существует еще одна проблема: каким образом необходимо донести до сознания студентов и неопытных преподавателей расхождение научных представлений о преступности и художественных образов, транслируемых средствами искусства.

Заключение. Указанные в настоящей статье факты свидетельствуют о том, что организация юридической науки далека от совершенства, поскольку деятельность научных кадров осуществляется по западным образцам, причем без должного финансирования и научной организации труда ученых. В университетской среде отсутствует не столько научная, сколько нормальная организация деятельности профессорско-преподавательского труда: учебные нагрузки в сочетании с научными исследованиями зашкаливают, а требования по всем (прежде всего – справочно-отчетным) направлениям преподавательской деятельности растут. Соответственно, снижается качество преподавания и научных исследований, зато количество сотрудников, практикующих имитационную научную деятельность, растёт, а роль юридической науки в жизни современного российского общества снижается, несмотря на все усилия ученых, занимающихся творческими исследованиями и внедрением теоретико-прикладных результатов в юридическое образование, законодательство и правоприменение.

Для устранения обозначенных недостатков и повышения роли современной юридической науки в жизни российского общества требуется существенная реорганизация научной деятельности в Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и вузах, которая затронет также и структурные подразделения Академии наук РФ. Со всей очевидностью, процесс соответствующей реорганизации может начаться, когда профессорско-преподавательские «низы» проявят надлежащую инициативу, а управленческие «верхи» в системе науки и высшего образования осознают, что используемая организация научной деятельности не отвечает потребностям общества.

Список источников

1. Тонков Е. Н. Источники права в «российском правовом реализме» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 11. С. 96–104.
2. Ситникова А. И. Законодательная текстология: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 344 с.
3. Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы // LexRussia. 2013. № 2. С. 181–191.
4. Зорькин В.Д. Цивилизация права // Российская газета. 2014. 12 марта.
5. Розин В. М. Генезис и современные проблемы права: монография. М.: ЮФУ, 2001. 217 с.
6. Бойко А. И. Юридическая пандемия (о чрезмерной юридизации общежития и забвении других нормативных систем) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 17–31. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-17-31>
7. Маликова А. Х. К вопросу о российской юридической науке сегодня и перспективах ее развития в будущем // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. Вып. 10-3(49). С. 143–145.
8. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
9. Ситникова А. И. Уголовно-правовая текстология: монография. М.: Проспект, 2016. 304 с.
10. Корецкий Д. А. Отражение уголовного права в литературе и искусстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 143–148. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-143-148>.

References

1. Tonkov E. N. Sources of law in "Russian legal realism". *Bulletin of the University named after O.E. Kutafin*. 2020;(11):96–104. (In Russ.)
2. Sitnikova A. I. *Legislative textual criticism*: monograph. Moscow: Yurlitinform; 2016. 344 p. (In Russ.)
3. Lazarev V. V. Legal science: current state, challenges and Prospects. *Lex Russica*. 2013;(2):181–191. (In Russ.)
4. Zorkin V.D. Civilization of law. *Rossiyskaya Gazeta*. 2014. March 12. (In Russ.)
5. Rozin V. M. *Genesis and modern problems of law*: monograph. Moscow: Southern Federal University; 2001. 217 p. (In Russ.)
6. Boiko A. I. Legal pandemic (about excessive legalizing of the hostel and oblivion of other regulatory systems). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):17–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-17-31>
7. Malikova A. Kh. On the issue of Russian legal science today and the prospects for its development in the future. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;10-3(49):143–145. (In Russ.)
8. Leontyev A. A. *Fundamentals of psycholinguistics*: Moscow: Smysl; 1997. 287 p. (In Russ.)
9. Sitnikova A. I. *Criminal law textual criticism*: monograph. Moscow: Prospekt; 2016. 304 p. (In Russ.)
10. Koretsky D. A. Reflection of criminal law in literature and art. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):143–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-143-148>

Информация об авторе

Г. В. Назаренко – Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член Российского профессорского собрания, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета, академик Российской академии юридических наук.

Information about the author

G. V. Nazarenko –Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Russian Professorial Assembly, Professor of the Department of Criminal Law at Southwest State University, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 04.05.2024.

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication 04.05.2024.